

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ. ИКОНА «УСЕКНОВЕНИЕ ГЛАВЫ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ» СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА ИЗ Д. БОЛЬШОЕ ДИТЯТЕВО

А.А. Фомичева

Икона «Усекновение главы Иоанна Предтечи» поступила в музейное собрание осенью 2003 г. и сразу была передана на реставрацию.

Икона находилась под слоем грязи, темной, сгрибившейся олифы, кроме небольших проб, сделанных неопытной рукой подручными средствами, вероятно, ножом.

Доска со следами гнили по верхнему и нижнему краю. Паволока полотняного мелкозернистого плетения, частично утрачена на полях. Грунт белого цвета, тонкий, деструктурирован, по периметру-выпады до основы, частично-на всей поверхности. Настоящие размеры иконы 73х33,5 см.

Тыльная сторона состоит из одной доски хвойной породы с шипом в центре правого края и с двумя врезными двусторонними шпонками, имеющими поздние стесы топором в левой половине. Правая половина верхней шпонки сохранилась в первоначальном виде, а нижняя - опилена. Между ними проходит вертикальный паз. Цвет древесины внутри него и на боковых поверхностях шпонок,

которые примыкали к нему, говорит о том, что он был утрачен сравнительно недавно. При смещении нижней шпонки была обнаружена неглубокая выемка, в которую и крепилась вертикальная шпонка. Светлый след на древесине позволяет утверждать, что вертикальная шпонка была сделана заподлицо. Под нижней шпонкой, как продолжение, идет вертикальный паз, расширяющийся книзу, с загнутым кованым гвоздем, вбитым с лицевой стороны. Степень загрязненности древесины в нем не отличается от остальной поверхности доски, а, значит, необходимость в этом пазе пропала давно. Это часть крепежной конструкции иконостаса, для которого и предназначалась икона изначально.

Визуальное обследование позволило реконструировать тыльную сторону иконы, последовательность изменений, происходивших с ней, а последующие архивные изыскания - возможные пути миграции её. Иконный щит состоял из двух досок, скрепленных врезными двусторонними шпонками, между ними

были вставлены две вертикальные шпонки. Клиновидные пазы под ними предназначались для фиксации иконы при помощи штырей в иконостасной раме. Затем икона была перемещена в другой иконостас, где отпала необходимость в нижних клиновидных пазах, вертикальные же шпонки, не выступавшие за плоскость щита, не являлись помехой и потому были оставлены. Третье перемещение состоялось в небольшой иконостас, в который наша икона не помещалась по ширине. Вследствие этого топором отсекается часть правой стороны (с лицевой стороны - это левое поле) и отрывается левая доска (на боковой стороне остались приклеенные щепы от нее). Излишняя длина шпонок спиливается, изымается оставшаяся вертикальная шпонка, а нижняя смещается так, что выемка, предназначенная для первой, скрывается за массивом дерева, и, наконец, стесывается их верхняя поверхность. Вверху и внизу тыльная сторона могла быть стесана на третьем последнем этапе миграции. Дерево здесь достаточно темное, но светлее, чем под стесами, что говорит о меньшем, по сравнению с остальной поверхностью, попадании пыли. Икона входила в тябло, закрывавшее горизонтальные края.

Таким образом, первоначальные размеры иконы были, приблизительно, 73х50см. В этом усеченном виде икона была прописана. На темно-синем фоне записи сделана новая надпись, причем слово «...Предтечи», не уместившееся в строку, написано внизу мелким шрифтом. Слева ковчег остался в прежнем формате, вверху и внизу сохранились фрагменты луги.

Размеры иконы, элементы крепежной конструкции и иконография дают основание предположить о ее происхождении из храма или придела в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи. Памятник отличают высокие художественные достоинства. Фигура воина, наносящего удар, представлена в резком, динамичном развороте. Его вскинутая над головой правая рука, держащая меч, и отставленная далеко вперед правая нога подчеркиваются каскадом складок его развевающегося киноварного корзно. Клиновидная расплывчатая пола тельника неестественно удлинена и заострена, что усиливает агрессивность его облика. Этому олицетворению воинственного зла противопоставляется смиренно склоненная фигура пророка, протягивающего вперед руки, связанные черным шнуром, конец которого находится в левой руке воина. Его образ ассоциируется с агнцем, ведомым на заклание. Линия, образуемая двумя фигурами, логически завершается лежащей в чаше золотистого цвета главой пророка, помещенной в темный провал пещеры, что усиливает ее смысловой акцент и проводит параллели с обстоятельностьюami обретений главы Иоанна Предтечи. При всей своей динамичности эта сцена вписывается в спокойный силуэт равнобедренного треугольника. Его правая сторона образуется мечом, головой воина, развернутым плечом его левой руки, головой Предтечи, связанными руками и чашей под ними. Слева линия проходит по правой руке воина, углу корзно, клиновидной поле тельника.

Сцена традиционно разворачивается на фоне гор как прообраза пустыни. За Предтечей помещена охристого цвета темница, окруженная частоколом. Мастер нарочито уплощает массив горок. Лещадки написаны только слева от головы воина. Изломы горных массивов моделируются полупрозрачной коричневой краской и подчеркиваются белилами. Они служат лишь фоном происходящему, акцентируя наше внимание на главном. Иконописец, используя скудную палитру, состоящую из охры, киновари, малахита, их смесей, и разную плотность живописной поверхности, создает образ монументально яркий. Почти сливающиеся по цвету милоть и хитон Иоанна Предтечи и тельник воина происходят не от скудности живописных приемов, а от желания создать колористически динамичный и сакрально насыщенный образ. Линейно эти изумрудные пятна вторят охристо-зеленому частоколу, поднимающемуся из-за горы. Линии склонов горок почти вторят движениям персонажей. Подобная нарочитость в иконописном прочтении сюжета довольно часто встречается в XII в. Фигуры свободно скомпонованы в формате ковчега, их отличает уверенный рисунок. Живописные достоинства проявлены в мастерской разделке одежд, мягко сплавленном личном письме с легкой поддумянкой и характерной белильной проработкой, близкой к традиционной моделировке vlas. Всё это говорит о принадлежности памятника к одному из крупных центров иконописания, таких, как Кострома и Ярославль. Подобную иконографию мы видим на фреске XVI в. в большом проеме Святых врат Кирилло-Белозерского монастыря, по основным позициям они как бы уалькируют друг друга. Однако здесь фигура воина помещена позади Иоанна Предтечи, что продиктовано соотношением масштаба фигур к ограниченному композиционному пространству (заложенного арочного проема). На одноименной иконе из частного собрания, относящейся к концу XVII - началу XVIII в., представлен более развернутый сюжет: под изображением темницы помещена сцена пленения пророка. Фигура воина на ней несколько более выдвинута влево, но развевающееся корзно изображено справа от него, что композиционно объединяет левую и правую сюжетные сцены. Линия, образуемая двумя фигурами, имеет более прямой угол, оставляя большую пространственную цезуру между ними. Пленение пророка помещено под изображением темницы. И темница, и частокол вокруг нее по рисунку весьма близки к нашей иконе, их отличает только колористическое решение последнего - серебристо-красный на позднем изводе. Эта икона позволяет реконструировать недостающую часть композиции. На правом срезе доски хорошо видно, что край нимба Предтечи находится на прямой линии с коньком темницы. Значит, в нашей иконе отсутствуют правая половина фасада и боковая стена палаты. В нижней части иконы могли быть проработанные лещадками горки, которые уравновесили бы подобную деталь слева вверх, или древо с секирой. Деревья есть на поздней иконе слева в нижней части

ковчег, но отсутствуют на нашей.

Икона преподнесена в дар музею его бывшей сотрудницей Голубиной Л.А. Она была обнаружена на чердаке дома в деревне Большое Дитятево. Опросив соседей, дарительница высказала предположение, что икона происходит из местной часовни. Мною были проведены предварительные исследования этого района. Деревни Большое и Малое Дитятево появились на карте не ранее XVII в., поскольку о них нет упоминания в «Истории землевладения Белозерского края XV-XVI вв.» А.И.Копанева. Часовня в Б. Дитятево была одной из приписных часовен Николоторжской церкви. В опросном листе за 1919 г. священник Федор Соколов писал: «В деревнях прихода четыре часовни, но более чтимая в деревне Большое Дитятево». Она была освящена в честь иконы Феодоровской Божией Матери, что связано с чудом от этой иконы - прекращением мора. Однако высокие иконописные достоинства иконы не сопоставимы с подобным происхождением. Скорее всего, икона происходила из Николоторжской церкви и в какой-то момент, за ненадобностью, могла быть преподнесена её причтом своим прихожанам села Б.Дитятево для помещения в часовню.

Никольское-Волокославинское, иначе называемое с. Великое, с XV в. являлось вотчиной Кирилло-Белозерского монастыря. Географическое положение села, его экономическая значимость для монастыря, безусловно, способствовали раннему появлению там прихода. Вотчинные хозяйственные книги XVII в. упоминают о храмах на 1601 г.: Никольской - холодной, шатрового типа с приделом Власия «на полатех» и Димитрия «Селунского» - теплой, клетского типа. Н.Никольский утверждает, что церкви были мирского строения. В XVIII в. деревянные храмы перестраиваются на каменные, в них появляются приделы. Теплый храм был перестроен в 1740 г. Главный престол остался прежним, но в нем появляются приделы: Казанской иконы Божией Матери (0.22) и свмч. Харлампия (Ф.10). Холодный храм перестроен в 1783 г. с тем же посвящением и двумя новыми приделами: Иоанна Предтечи, Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев. В «Сведениях о церквях Кирилловского уезда за 1919 г.» относительно иконостаса в холодном храме «никаких сведений не имеется». Постройка теплого храма относится к 1749 г., однако эти «указания, неизвестно на чем основанные, а в 1864 г. он был расширен. Тогда же устроен в нем новый иконостас». Здесь же указаны приписные часовни:

- в северо-западном углу церковной ограды - каменная (сохранилась),
- в деревне Кочевине - каменная (сохранилась),
- в деревне Дитятево - деревянная (не сохранилась),
- В деревне Большое Закозье - деревянная (не сохранилась).

Традиционно после строительства новой церкви, тем более, после устройства нового иконостаса, часть икон из старого передавалась в приписные

часовни или в другие храмы.

Что касается теплой церкви в честь Димитрия Солунского (О.26, с его именем связан день поминовения усопших и убиенных - Дмитровская родительская суббота), то ее престолы говорят о мирском значении храма. Празднуемая 22 октября икона Казанская Божья Матерь посвящена воспоминанию о Её заступничестве за Землю Русскую в 1612 г. Священномученику святителю Харлампию, его день отмечается 10 февраля, молятся о плодородии. Святой перед своей мученической кончиной сказал: «Где будут меня поминать, не будет ни голода, ни мора, ни вредного воздуха, погубляющего плоды земные».

Холодная церковь в честь святителя Николая Чудотворца имеет приделы чисто монастырского посвящения - Иоанна Предтечи, а именно на лето приходится Усекновение главы Пророка, Рождество и Третье обретение главы. Второй придел, преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, связан непосредственно с Кирилло-Белозерским монастырем, поскольку один из них, преп. Савватий, как известно, был его насельником.

Таким образом, до середины XVIII в. в Никольской церкви не было придела в честь Иоанна Предтечи, поэтому маловероятно присутствие в иконостасе подобной иконы. Возможно, в строительстве нового храма участвовал Кирилло-Белозерский монастырь и посвящение приделов продиктовано заказчиком. Это обусловило и дарение местной иконы. Это могло быть следствием реконструкции какого-то иконостаса в самом монастыре. Активная храмоздательская деятельность, развернутая в Никольском Торжке в течение второй половины XVIII в., где на протяжении всего сорока лет возводятся большие храмы, а территория обносится каменной оградой с часовней, могла привести к реконструкции придельного иконостаса, и изрядно потемневшую и начинающую осыпаться к тому времени икону заменили новописанной. Старый храмовый образ по случаю чудесного прекращения мора в приписном селе и строительства часовни среди прочих передали туда.

Безусловно, после завершения реставрационных работ “Усекновение главы Иоанна Предтечи” займет достойное место в музейном собрании и обогатит наши знания о монастырской иконописи XVII в.